

УТРО АВТОРА

Он постучал, вместо того чтобы просто позвонить во входную дверь, а когда Роберт вышел, он уже стоял в прихожей. Он был среднего роста и встретил Роберта улыбкой.

— Вы ко мне? — Роберт смерил его оценивающим взглядом. «Какая необычная куртка, — подумал он. — Ни пуговиц, ни «молний».

— Да, к вам.

— Дверь была не заперта? — спросил Роберт.

— Да, в некотором смысле. Но я ее закрыл.

— Благодарю вас. Моя жена ужасно рассеяна, особенно когда спешит на работу.

— Вы уже женаты? — Незнакомец перестал улыбаться.

— Да. А почему вас это интересует?

— Разумеется, это мелочь. Небольшая неточность. Но извините... — странный посетитель заколебался, — первый или второй раз?

— Не понимаю вас. Я женат первый раз. Но объясните мне...

— И в самом деле мелочь. Я только поинтересовался.

— Хорошо. Я не держу в тайне свое гражданское положение. Но объясните мне все-таки, что привело вас ко мне?

— Ах да, действительно. Я забыл представиться. Меня зовут Дон.

— Дон? Красивое имя... А фамилия?

— Дон, имени вполне достаточно. Есть еще некоторые подробности, но они несущественны. Я читатель ваших книг.

— Мне очень приятно. А эта встреча, как я понимаю, что-то вроде утреннего интервью с писателем? — Он сделал два шага по направлению к незнакомцу.

«Сейчас я его вежливо выпровожу», — подумал Роберт.

— Нет, что вы. Из-за таких мелочей я бы никогда не стал вас беспокоить. Я представляю Институт истории литературы. Отдел... Впрочем, об этом потом. Для начала я должен объяснить вам все в нескольких словах. Может быть, пойдем в ваш кабинет? Он мне хорошо знаком по фотографии. Письменный стол служит доказательством вашего тонкого вкуса и украшением...

— Мой стол всего лишь занимает предназначенное ему место, в чем вы можете убедиться собственными глазами. Другого у меня никогда не было. — Роберт сделал приглашающий жест в сторону кабинета.

«Интересно, — подумал он. — Этот тип совсем не похож на нормального человека. Что поделает, писателю не приходится выбирать своих читателей».

Они прошли в кабинет, в котором вместе со множеством книг на полках привлекали внимание разбросанные на полу старые

иллюстрированные журналы, машинописные листы, какие-то счета и просто бумажки без определенного содержания и предназначения. Возле пепельницы с окурками стояла чашка с недопитым кофе.

— Если бы вы позвонили перед тем, как прийти, я бы успел навести здесь порядок, — сказал Роберт.

— Но, дорогой мой, вы именно так и работали, и это очень похоже на вас... — Он, видимо, заметил удивление во взгляде Роберта, потому что сразу же добавил: — Только человеку, оторванному от мира, нужен порядок, чтобы не пропасть. Это цитата, — сказал он, как бы извиняясь перед Робертом.

«Я знаю, что это цитата, и даже знаю чья», — подумал Роберт, невольно гордясь тем, что держит в памяти столько разных высказываний писателей, чьи книги он когда-то читал.

— Однако нашему миру, нашей Солнечной системе порядок необходим, и вы это всегда утверждали. Я имею в виду ваши книги, — добавил он.

— Знаете, я как-то не задумывался над этим...

— Историки литературы раннего периода атомной эры настаивают на такой трактовке вашего творчества.

— Эры... какой?

— Ну, вашего времени.

— Я не совсем понимаю, — сказал Роберт и решил про себя, что ничего страшного бы не произошло, если бы этот человек находился сейчас по другую сторону двери.

— Собственно, вы вложили эту мысль в свои «Откровения андруада».

— Вы ошибаетесь. Я никогда не писал такой книги...

— Еще нет?

— Вам угодно издеваться надо мной?

— Вы приписываете мне слишком смелое намерение. Но я вас уверяю, вы ее еще напишете. Вы можете полностью доверять моему слову. Ведь я писал работу магистра по теме «Образ андруада в литературе раннего периода атомной эры».

— Дорогой друг, — Роберт старался говорить спокойно, — мы сейчас прощаемся с вами. Я на сегодня запланировал еще много работы...

— Разрешите мне закончить, дорогой автор. Итак, я буду прост и краток с вами: я возглавляю отдел истории литературы раннего периода атомной эры.

— Я был знаком с человеком, который утверждал, что он адмирал Нельсон, — иронично сказал Роберт.

— К сожалению, мне не пришлось знать этого адмирала. Те, кто попадает на практику во времени, наверное, встречались с ним. Но вернемся к делу. В ваших несомненно значительных произведениях нельзя не отметить определенные противоречия, которые, если можно так выразиться, ставят под сомнение возможность широкой популяризации ваших книг. Мы затрудняемся рекомендовать их к обязательному чтению в школе, ни тем более включить их в штатные библиотеки космолетов.

— О чем вы говорите? О каких космолетах...

— Я имею в виду, конечно, пассажирские космолеты регулярного сообщения с Марсом и Венерой. Экипажи экспериментальных космолетов и кораблей далекой разведки, — это, естествен-

но, интеллектуальная элита. Они читают все. Но в данном случае речь идет об обычных землянах, у которых могли бы возникнуть непрогнозируемые ассоциации.

— Под влиянием моих книг?

— Ну, конечно. — Незнакомец явно обрадовался. — Замечательно, что мы наконец-то начинаем понимать друг друга.

— Тогда, черт побери, пусть они их не читают.

— Нет. Это полностью исключено. Признанный классик литературы. Миллионные тиражи. Огромное количество стереовизорных экранизаций. И совсем не принимать в расчет?..

— Да, я понимаю всю сложность вашего положения. Теперь, пожалуй, мы можем начать прощаться, — сказал Роберт.

— Но ведь вы даже не выслушали мое предложение.

— Тогда говорите покороче.

«Он скажет, и я наконец избавлюсь от него», — подумал Роберт.

— В таком деле, как всегда, лучше отталкиваться от фактов.

— В каком деле?

— Речь идет об опыте с курицей.

— С кем?

— С курицей. Провоцирование определенной реакции курицы в результате стимуляции, или, другими словами, раздражения тех или иных центров в ее мозге.

— Да, с помощью имплантированного электрода. А почему обязательно с курицей?

— Это может быть и петух. Но, дорогой автор, давайте не придирайтесь к мелочам. У нас есть курица, мы помещаем электрод в соответствующем участке ее мозга и воздействуем электричеством на этот центр.

— Согласен, но...

— Одну минуту. Если это центр агрессии, курица принимает атаковать несуществующего противника, если центр страха — убегает, несмотря на то, что вокруг нет ничего, что бы могло побудить ее к этому.

— Я тоже читал об этом.

— Вы об этом, ко всему прочему, еще и писали. Таким образом, если мы раздражаем оба названных центра одновременно, то поведение курицы становится двойственным: курица топорщит перья, бегаёт по кругу и попискивает.

— Хорошо, однако какое отношение все это имеет ко мне?

— В естественных условиях описанное поведение курицы может иметь место в том случае, если на ее цыплят нападает ястреб. Курица боится и одновременно порывается вступить в противоборство с ним.

Роберт тяжело опустился в кресло.

— И что дальше?

Незнакомец усмехнулся.

— Как мило, что вы ничего не имеете против систематизированных лекций. Как будто вы живете в наше время. Однако ближе к делу. Не поддается сомнению, что подобным же образом можно спровоцировать аналогичное поведение и у человека. С той лишь разницей, что человек ощущает его как собственный спонтанный порыв.

— Необъяснимый страх и беспричинная агрессивность... —

«Я начинаю втягиваться в это», — подумал Роберт.

— Да, без видимых внешних причин, если не считать электрода, — поправил незнакомец.

— Стимулированная стрелковая цепь в нападении... Каждый солдат — герой?

— Это нас не интересует. Мы уже прошли через это. Что же касается вас, дорогой автор, то вы в своих замыслах идете еще дальше.

— Но ведь я ничего подобного не писал. Я в этом абсолютно уверен.

— Но вы напишете, и очень скоро. Я не помню всех дат вашей биографии, но уверяю вас, что это вопрос нескольких лет.

— Что вас беспокоит в таком случае?

— Вы сами сказали: необъяснимый страх, беспричинная агрессивность и немотивированное беспокойство.

— Ну и что из этого?

— А вам еще не приходилось пережить это самому? Вы никогда не удивляли себя и других неожиданными поступками, которым позже вы сами не могли найти объяснения? Какое-то неясное желание, внезапно проявившаяся внутренняя потребность?..

— Но ведь меня не стимулировали, — тихо произнес Роберт.

— Потому что у вас нет электрода в мозге? А может быть, он совсем не требуется?

— Бред какой-то.

— В ваше время — да. Но в наше время это уже не закон. Во всяком случае, нас волнует проблема предупреждения непреднамеренных ассоциаций, и поэтому я хочу попросить вас стараться не подавать повода к ним в книгах, которые вам предстоит написать.

— Я не совсем понимаю вас. Вы просто хотите, чтобы то, что я пишу, было написано иначе?

— Вот именно. Впрочем, дело касается сущих пустяков.

— И для этого вы затеваете всю эту комедию? Но это невозможно. Я автор. Я пишу о том, что хочу сказать. И только о том. Ни больше ни меньше.

— Разумеется, разумеется. Вы совершенно правы, дорогой автор. Именно так и надо писать. И все же это можно сделать чуточку иначе.

— Нет, этого довольно! Вы требуете от меня искажения всех моих рассказов? И эта заумная мотивировка: во имя добра моих читателей какого-то века. Чтобы как можно меньше размышляли, читая мои книги?!

— Вы чересчур драматизируете ситуацию, дорогой автор.

«Если он еще раз скажет «дорогой автор», я вышвырну его за дверь», — подумал Роберт.

— Я говорю то, что считаю нужным. Кроме того, насколько я могу судить по вашим предыдущим высказываниям, вы присваиваете себе право исправлять произведения, которые еще не написаны, которые будут написаны в будущем.

— В определенном смысле вы рассуждаете правильно. Мы исходим из основополагающего принципа, что эти необходимые исправления логичнее вносить самому автору, чем какому-то случайному редактору в будущем.

— Вы напрасно теряете время. Я не собираюсь ничего изменять, — сказал Роберт.

— Что за времена! С Гёте у нас было гораздо меньше хлопот. Он передельвал «Фауста» по нашим указаниям. Насколько я припоминаю, и «Гамлет» сначала заканчивался иначе. А для более ранних авторов любое наше появление становилось событием... Что ж, я вижу, что не убедил вас. Вы ничего не измените?

— Об этом не может быть и речи. Напишу! Все напишу!

Незнакомец только покачал головой. В этот момент зазвонил телефон. Роберт машинально взял трубку.

— Да, слушаю. Дон? Он у меня. Что?.. Сейчас спрошу Дона... Он говорит, что придет к вам, так как вы к этому привыкли, — сказал Роберт своему гостю, прикрыв трубку ладонью.

— Пусть приходит, если не может иначе, — согласился Дон.

— Приходите. Вы знаете мой адрес? Тогда до встречи.

«Сейчас за ним придут, и станет спокойнее, — подумал Роберт. — Судя по всему, Дон не впервые ускользает из-под опеки».

— Кто это, доктор? — спросил он Дона.

— Нет, автомат.

— Вы так зовете его?

— Нет, это на самом деле автомат, и я думаю, что он сможет устроить вам сюрприз.

— Вы думаете, что после нашего сегодняшнего разговора меня можно удивить?

— Если вы достаточно серьезно относитесь к научной фантастике, то, пожалуй, нет. Но вернемся к нашей беседе. У меня к вам есть конкретное предложение.

«У меня тоже есть предложение, — подумал Роберт. — Но я приберегу его до того момента, когда тебя придут забирать».

— Я вас слушаю, — сказал он спокойно.

— Я хочу предложить вам кафедру научной литературы раннего периода атомной эры в Мировом институте истории литературы. Что вы думаете по этому поводу?

— Где находится этот институт?

— Около семидесяти километров и трехсот шестидесяти лет отсюда.

— Лет?

— Разумеется. В будущем. Ну как, решились? — Незнакомец ждал ответа.

— Я не могу бросить свое время. Сами понимаете: семья, работа. Еще не написанные книги.

— Мы приготовили автомат, способный замещать вас. Он знает ваше творчество и биографию до мельчайших подробностей. Вы можете не беспокоиться. В его памяти записаны все ваши произведения, слово в слово. Ошибки исключены. Он будет точно воспроизводить их. В крайнем случае он опустит только некоторые частности, о которых мы говорили. От этого ценность ваших произведений ничуть не уменьшится. Итак, вы согласны?

— Согласен! — радостно воскликнул Роберт. — Они за вами вот-вот придут, — добавил он.

— Я вижу, вам не хватает терпения. Мы сейчас поедem. Это звонил как раз ваш заместитель.

— Мой заместитель?

— Да. Вы не узнали его по голосу? Он как две капли воды схож с вашим. Другое дело, что мы никогда не знаем собственного голоса. Он точная ваша копия. Ни семья, ни коллеги, никто другой не будет подозревать, что вы уехали. А вот и он!

— Да, и опять без стука, — сказал Роберт и не закончил.

— Он прибыл через четвертое измерение. К этому надо еще привыкнуть.

— Но он... он такой же, как я.

— Теперь вы видите, что я не преувеличивал?

— Пан... пан... — заикался Роберт.

— Вы можете называть меня Робертом, — ответил тот. — Если вы пришли сюда за интервью, я с сожалением вынужден отказать. Я на сегодня запланировал еще много работы.

— Замечательно, не так ли? Дайте мне вашу руку, Роберт. Вы оставляете достойного заместителя.

Роберт машинально подал незнакомцу руку... и они исчезли.

Когда жена Роберта вернулась домой, ей бросилось в глаза, что бумаги на его письменном столе разложены ровно, а карандаши аккуратно заточены. Она немного удивилась, но ничего не сказала. Она просто не знала, что автоматам двадцать четвертого века задана потребность в порядке.